

● ИСКУССТВО

СМЕХ И СЛЕЗЫ ГЕОРГИЯ ДАНЕЛИЯ

Метаморфоза лирического героя

«В жизни главное — человечность. Хорошо ль вам? Красиво? Грустно ль?».

Строфа эта могла бы стать эпиграфом к творчеству Георгия Данелия, определяя смысл, содержание и пафос его фильмов. Этот мастер отличается особенно тонким чутьем и зорким глазом на все нюансы, в которых проявляется состояние человеческой души.

В фильмах Г. Данелия, как правило, ничего особенного не происходит. В них отсутствуют сюжетные хитросплетения, острые интриги, нет масштабных событий и активно действующих героев. И тем не менее зритель, как завороженный, подключен к экрану. Сперевивая данелиевским героям, он то заливается веселым смехом, то замирает вящемящем приступе грусти.

С какой благодарностью вспоминаем мы сегодня лучезарный фильм начала 60-х годов «Я шагаю по Москве» и песенку на слова Геннадия Шпаликова, напетую срывающимся юношеским голосом Никиты Михалкова. В «нормальный летний дождь» пришел в жизнь нашего поколения простодушный паренек Колька, по юношескому неведению и чистоте душевной полагавший, что добро порождает только добро, грусть — мимолетна, а молодого человека, с добрым сердцем ждут в будущем только веселые приключения и новые друзья. Как мы были признательны авторам за их искреннюю убежденность в торжестве добра!

Потом появился беспечный балагур и эпикуреец Бенжамен и его веселые друзья. Их незатейливые похождения были смешны очаровательной нелепостью романтических париков и откровениями простодушного сердца. Но смех в зрительном зале часто обрывался неожиданной паузой.

Смешное и печальное играло в этом фильме, переливаясь причудливой светотенью,

как зеркальный шар в лучах софитов. Волна радости сменялась хватающей за душу тоской, и потом — снова разрядка ободряющей шуткой: Не горюй! Жизнь прекрасна! Все образуется!

Следующим был Валико Мизандари — «Мимино», красивый, сильный человек с нежным сердцем и душой нараспашку...

Его наивное добродушие создало вокруг него атмосферу комического абсурда,

оружием смеха разоблачающее реальные жизненные ситуации,

в которых «здравый смысл» оказывается вовсе не таким уж здравым (например, сцена в гостинице с мнимыми и подлинными Хачикяном и Мизандари). И это опять было и смешно, и грустно. Снова доминантой характера становилось добросердечие. Люди, отмеченные этим качеством, находят друг друга в сложном и не всегда понятном мире. Это великое счастье, утверждает фильм.

Сердечность и душевность —

единственные доспехи данелиевских дон кихотов — Коли, Бенжамена, Мимино. Единственное их оружие — всепобеждающее жизнелюбие. С появлением «Осеннего марафона» в мироощущение Данелия и в качестве синтеза комическое-драматическое, из которого строятся характеры его героев, вошла значительная корректива. И дело, конечно же, не только в том, что лирический герой Данелия достиг критического возраста...

Сорокалетний Андрей Павлович Бузыкин совершает

свой ежедневный марафон (бег от инфаркта). Делает это он, как и многое другое, в своей суетной и запутанной жизни без всякого удовольствия, повинуясь импульсу — «так надо!».

Добросердечность Бузыкина

загнана в прокрустово ложе повседневности. Смешной и жалкий в постоянном желании

сладить концы с концами, всесудебенеет — угодить жене, любовнице, дочери, начальству, всем, кто имел

человека, примириить незаменимый

спасительный и постыдный

смысл — «Горестная жизнь

плута» — так называлася жизнь

началу фильма. Доброта Бузыкина двусмысленна. Заведенная бесконечными трусливыми компромиссами и мелким компромиссами, она никому по

существу не помогает, никому не приносит радости.

Зрителю интересно, смешно и как-то неловко, словно его подловили с поличным (ведь каждый из нас немного Бузыкин). Из этой необычной реакции и из этого смятения чувств и извлекается коэффициент полезного действия фильма.

Казалось бы, «Осенним марафоном» Данелия должен был закончить свой поэтический опыт по исследованию человечности, начав с подлинно возвышенной добросердечности своих дон кихотов и завершив его мнимой, трусливой интеллигентской мягкотелостью Бузыкина.

Однако в новой работе Г. Данелия «Слезы капали» обнаружились совершенно неожиданный поворот его излюбленной темы и антигерой — гражданин Васин, в котором сконцентрировано все то, что может натворить человек, если он начисто лишен великолепия, а фантазия его подогревается лишь подозрительностью, озлоблением и ожесточением.

Такую задачу не решить без гротеска, и Данелия откровенно обнажает условный прием в прологе фильма. В форме сказочного лубка зрителю рассказывается андерсеновский сюжет: тролли разбивают волшебное зеркало, отражающее действительность в злом искажении, и осколок его попадает в глаз Васину. «Отравленный» этим волшеством, Васин отправляется по своим делам, и мы переключаемся со сказочного антуража на легко узнаваемые реалии нашей повседневной жизни.

Васин затевает склоки, оскорбляет сотрудников, увольняет секретаршу, ругается с женой, выгоняет из дома сына с невесткой и совершает еще ряд диких и нелепых поступков, пытается даже повеситься, чтобы досадить близким.

Однако значит ли все это, что стоит только ему выплачивать волшебное стеклышко (как и происходит в фильме), и мир окрасится в объективно-радужные цвета? Так ли абсурден и беспочвен бунт Васина? Думается, не все так просто. Отношения героя Данелия с действительностью намного сложнее. Искаженное дурным расположением духа зрение Васина все-таки отражает действительность. А преувеличение — гротесковая гипербола помогает автору вскрыть негативные явления, не прибегая к ненавистным ему нравственным сенсациям.

Что ни говори, а в длинном телефонном разговоре жены Васина со своим начальником действительно звучат нотки подобострастия, давно уже не режущие нашего слуха. Поведение сына с невесткой наводит на грустные мысли о затянувшемся инфантилизме таких вот, весьма типичных молодых иждивенцев, к которым мы тоже как-то привыкли, притерпелись. И еще многое другое...

Если подумать, то большое воображение Васина лишь сгущает краски действительности, но не выдумывает ее. Что же делать? Озлобиться? Остерветь, как Васин?

На этот вопрос Данелия отвечает, возвращаясь к своим исходным позициям, к своим дон кихотам. В фильме звучит песня о друге, которого надо вовремя окликнуть, пока он не «ушел в ночь», а вернуть, пригреть, посадить за стол и устроить ему праздник. Вернуть друга, пока не поздно...

Песню эту поет сам Данелия на слова своего теперь уже «ушедшего в ночь» друга Геннадия Шпаликова, взвывая к дружескому участию, великодушию и милосердию к ближнему, напоминая о необходимости противостоять мелочной суете.

Круг замкнулся — поэтический метод исчерпал себя. «Слезы капали» — это фильм, который ставит точку. При всем его достоинствах в нем есть груеватое ощущение — что дары прошли...

Но поле деятельности Георгия Данелия практически неисчерпаемо, как необъятна и неисчерпаема сфера человеческой души, в которой он так безраздельно господствует. Интересно, в какую сторону следит он свой следующий шаг?

Коря ЦЕРЕТЕЛИ.